

советская культура

1990. - 3 марта. - С. 11

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

ИСПОВЕДЬ

ЧТО ЭТО? Очередной феномен толпы, повальной моды, чей дух, увя, живет при многих явлениях искусства? Сейчас, в пору «вседозволенности», когда виды, направления искусства получили шанс естественного отбора, время уже начинает расставлять вещи по местам: не случайно перекорм рок-группами привел к не заполненным на их концертах стадионам. А вот рост аудитории Шнитке — и численно, и по социальному, возрастному составу, по-видимому, связан не только с нынешней открытостью информации и рекламы о нем, здесь можно предположить причины более глубокие.

Жизнь дает нам многочисленные примеры того, что чем объемней, многомернее человеческий интеллект, тоньше мировосприятие, тем активнее и шире интерес к спектру явлений, в том числе искусства. Служитель фундаментальных жанров, Шнитке свободен от агрессивного неприятия массовых течений культуры, но для него В. Высоцкий — явление более объемное, чем только музыкальное и литературное, Б. Гребенщиков — больше, чем рок-музыкант, а направление фольклорного коллектива Д. Покровского — шире и глубже, чем просто воспроизведение фольклора. Долгое время числящийся лидером советского авангарда и действительно освоивший сложную систему современной музыкальной техники, этого капризного дитяти XX века, он пришел в итоге к ясности освоения жизненного художественного опыта. А чуткость ко всему, что составляет окружающий мир, родила в его музыке тот «сплав, но не смеси», который Г. Товстоногов видел в Мейерхольде. Сплав, собравший множество техник и стилей, эпох и национальных ликов, строгую логику построений и эмоциональную пронзительность, хрупкость нерва и несокрушимую силу веры в добро.

Три года назад была предпринята первая акция государственного признания Шнитке: Государственная премия РСФСР за музыку к мультипликационным лентам А. Хржановского. Само по себе событие приятное, оно несло в себе и некую осторожность, а точнее — смещение акцентов в оценке творчества: отсутствовала четкая формула признания его главной миссии.

В этом году сделан скачок иного масштаба: Шнитке представлен к соисканию на Ленинскую премию. Сразу замечу, что публикация об этом вызвала реакцию неоднозначную, о чем говорит и редакционная почта. С теми, кто протестует против причисления композитора «к лику классиков», кто инкри-

Жаль, что затаскано сегодня это слово — «исповедь», а лучше не скажешь, пытаюсь выразить душу музыки художника, о котором речь. Было время, его немало исполняли, однако официального признания Шнитке дождался не один десяток лет (звания члена-корреспондента Баварской, Берлинской, Мюнхенской академий искусства, Шведской Королевской академии, как и зарубежные фестивали в его честь, — отсчет иного порядка).

Сегодня все уважающие себя издания спорят в «актуальности» публикаций о нем (от читаемого «Огонька» до узкопрофессиональной «Советской музыки»). В программе «Время» с ее поголовным охватом населения он объявлен конгениальным Достоевскому (счастье, что в «Телевизионном знакомстве» У. Отт подарил нам не «громкий», но искренний монолог композитора). Пластинки с его музыкой, словно в извинение за опоздание: выпускаемые «Мелодией» в галопирующем ритме, не догоняют спроса, а залы не вмещают желающих послушать его сочинения, притом согласно статистике он — один из самых исполняемых авторов.

минирует ему недоступность массовому восприятию, пессимизм как главный мотив, спорят видящие в его музыке нравственную опору, гуманистическую ценность ее. «Я сама педагог и занимаюсь эстетическим воспитанием школьников. Мой сын, к сожалению, начисто отрицает классическую музыку, телевизионные программы он смотрит избирательно — такие, как «Взгляд», пропагандирующие практически только рок-музыку. Вчера, однако, ведущие «Взгляда» включили фрагмент Альтовского концерта Шнитке. Мой мальчик сидел, как завороченный, и спрашивал, чья это музыка, так как титры пошли не сразу...» Это признание педагога Горбовец из Свердловска аккумулирует в себе ощущения многих, у кого поворот к большой музыке, а значит, и пересмотр эстетических позиций прошли по этой черте — знакомства с музыкой Шнитке.

Впервые в истории Комитета по Ленинским и Государственным премиям список тех, кто оставлен на второй тур конкурса, был сформирован тайным голосованием. А это — проявление демократии, что уже немало, имея в виду разноликий состав нового комитета (в частности, его музыкальной секции), оставляющий простор для плюрализма мнений. Тем, кто «болеет» за итоги, осталось ждать недолго: в апреле список новых ленинских лауреатов будет опубликован (не забудем, что по новому положению о комитете их останется всего трое). Однако, независимо от того, увидим ли мы имя Шнитке в числе лауреатов, думаю, многим небезынтересно было бы узнать и результаты этого решающего этапа голосования, и

комментарий к нему: это явилось бы еще одним из проявлений гласности — шагом, способным оживить общественное мнение вокруг обсуждений в комитете.

Кстати, подтверждением тому, что «оживление» все же рождается из недр этого самого общественного мнения, может служить факт выдвижения как раз Альфреда Шнитке. Инициатива принадлежала не «верхам», а родилась в двух далеко отстоящих точках. Первая — Свердловск. Решение, вынесенное там на Всесоюзной ассамблее клубов любителей классической музыки (опиралось оно на массовые слушательские предложения из городов и республик), было поддержано Всесоюзным музыкальным обществом, возглавляемым И. Архиповой, и это последнее хочется особо выделить, ибо общество ведь так и задумывалось — как камертон слушательского мнения в широком географическом, социальном и возрастном его понятии. Второй точкой явилось общее собрание московских композиторов, где за предложение о выдвижении Шнитке на соискание Ленинской премии проголосовали все 352 присутствующих, и это также было закреплено «официальной печатью» — в данном случае правления Союза композиторов Москвы. Затем к выдвижению присоединился Союз композиторов РСФСР.

На соискание Ленинской премии представлены три работы А. Шнитке последних лет, все три — в жанре концерта. В его творчестве, достаточно многожанровом, преобладают симфонии (их пять) и концерты (их число приближается к пятнадцати). Концерт для альта с орке-

стром, — пожалуй, самое трагичное произведение, если не сказать, мрачное. Но послушаем автора, ибо это редчайший случай, когда он пусть косвенно комментирует смысл написанного: «Формула мировой гармонии, вероятнее всего, связана не с обесцениванием зла, а с тем, что вовлеченное в стройную картину целого даже зло меняет свою функцию: в какой-то комплиментарной взаимозависимости негативные элементы погашают друг друга, и в итоге возникает нечто стройное и прекрасное».

Концерт для хора на стихи Нарекаци дает больше позитивной опоры: его положительный заряд, заложенный в стихах и в музыке, со всей открытостью обращен к людям:

**Пусть обратит мой труд, мое усердие
Себе во благо человек любой.**

**И стих мой, став молитвой и мольбой,
Да вымолит господне милосердие.**

Тема очищения, возвышения человека развита Шнитке в следующем хоровом концерте, названном «Стихи покаянные» и положенном на древнерусские канонические тексты.

Еще более императивно выражает Шнитке эту позицию в третьем из представленных на премию сочинении — Концерте для виолончели с оркестром. Постепенно, в мучительных поисках выхода из неустойчивости, напряженных противоречий обретается «истинный финал» — к нему ведет весь ход музыки, к этой «последней строке» (совсем по-цветавски: «ради последней строки»...), которая приходит первой... Этот огромный эмоциональный мир, к которому, как признается композитор, никогда до того он не смел прикасаться, пришел в его музыку после тяжелой болезни, приведшей его на грань небытия. Преодолев эту грань, он не только не потерял физического и духовного мужества, но вышел на новый уровень художественного прозрения.

Исполнители его сочинений — Ю. Башмет и Н. Гутман, Г. Кремер и С. Сондецкис, Г. Рождественский и Э. Клас, многие другие — не просто созвездие имен «для кассы» (как утверждают оппоненты), но это его единомышленники, сосоздатели, способные донести до слушателя смысл и глубину его исповеди. Что надо еще этому художнику?

Я думаю, одно и главное: чтобы судьба продлила еще время для бесконечной его «погони за истиной», которая всякий раз дарит свежесть восприятия и новизну решений, укрепляет в стремлении не просто «писать музыку», а пытаться создать еще одну грань отражения мира.

Ирина СТРАЖЕНКОВА.